

В ПОМОЩЬ ЛЕКТОРУ

УДК 330.3

И. М. Рисованный

О МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (МОДЕРНИЗАЦИИ) РОССИИ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

В статье рассматриваются теоретические аспекты модернизации российской экономики и анализируются перспективы перехода ее на инновационную модель развития. По мнению автора, в обозримом будущем наиболее вероятной станет модернизация отдельных промышленных производств, подконтрольных государству. Без реформ, создающих благоприятные условия для рыночного (частного) сектора, такая модернизация существенным образом не повлияет на сложившуюся инерционную модель экономического роста. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, инновации, созидательное разрушение, госкорпорации, госрасходы.

I. M. Risovanniy

ON THE MODEL OF ECONOMIC DEVELOPMENT (MODERNIZATION) OF RUSSIA IN THE POST-CRISIS PERIOD

In the article, we study theoretical aspects of modernization of Russian economy and analyze prospects of its transition to innovative model of development. According to authors' opinion, in the nearest future we can likely expect modernization of several industries controlled by the Government. Without reforms, creating favorable conditions for the market (private) sectors, such modernization will not sufficiently affect the current inertial model of economic growth. Refs 10.

Keywords: modernization, industrialization, innovations, creative destruction, state corporation, state expenditures.

1. Введение

Постановка вопроса о развитии России в посткризисный период предполагает, что он уже наступил. Действительно, мировая экономика восстанавливается, хотя экономики отдельных стран демонстрируют разную динамику: для одних характерен *осторожный рост* (США), другие пока что не вышли из рецессии (страны еврозоны). Что касается России, то наша экономика показывает слабые темпы роста (ситуация характеризуется как торможение экономического роста, при том, что мировые цены на нефть достаточно высокие).

Согласно последнему прогнозу Минэкономразвития, рост российской экономики в 2013 г. должен был составить 1,8% вместо прогнозируемых ранее 2,4% (в 2014 г. — со-

---

Иван Михайлович РИСОВАННЫЙ — кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; et@econ.pu.ru

Ivan Mikhaylovich RISOVANNIY — Candidate of Economics, Associate Professor St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; et@econ.pu.ru

ответственно 2,8% по консервативному варианту и 3,2% — по умеренно-оптимистическому). Такой темп роста будет ниже среднемирового [Дно экономики, 2013].

Между тем проблема модернизации российской экономики, перевода ее на инновационную модель развития сегодня так же актуальна, как и вчера, и позавчера. Посткризисная ситуация подталкивает к этому.

Данная тема — сложная как с теоретической точки зрения, так и в плане практической реализации — широко обсуждается в литературе, ей уделяется большое внимание на самом высоком политическом уровне.

Одним из принципиальных вопросов является выбор путей и способов решения задачи. Наиболее отчетливо артикулируется идея о том, что государство является основным субъектом развития (модернизации). Соответственно, оно должно аккумулировать ресурсы для модернизации, централизовать инновационную деятельность и на этой основе добиваться повышения конкурентоспособности производства товаров и услуг. (По этой логике проводится и реформа РАН.)

Существуют и альтернативные точки зрения, правда, их обоснование опирается преимущественно на теорию и международный опыт создания инновационной экономики.

В настоящей статье будет дан краткий анализ обоих подходов: в первой части предлагается несколько общих тезисов по существу проблемы, во второй — основное внимание уделяется государственной инновационной политике в России.

2. Модернизация — процесс технологических и институциональных изменений

«Модернизация» — термин, используемый для характеристики процессов изменений, направленных на «осовременивание» общественной жизни в различных ее аспектах и одновременно усложнение общественной системы. В общем виде она отражает комплекс преобразований в сфере знаний, в способе производства товаров и услуг, в управлении общественными процессами. Ее основой является инновационная деятельность, связанная с преобразованием идей в технологически новые или усовершенствованные продукты и услуги, поступающие на рынки, или в процессы и способы *организации и управления производством*.

Технологическая модернизация предполагает обновление структуры производства на базе широкого использования достижений НТП, внедрения современных производственных технологий с целью создания новых товаров и услуг, повышения производительности труда и конкурентоспособности этих производств.

В процессе модернизации участвуют как экономические агенты частного сектора (предприниматели, фирмы, домохозяйства), так и хозяйственные субъекты и институты государства.

Современная институциональная теория классифицирует различные типы инноваций, снижающих транзакционные издержки и создающих стимулы для создания новых товаров и услуг, и соответственно субъектов инновационной деятельности по характеру доставляемой полезности. На одном конце спектра располагаются инноваторы, мотивированные максимизацией индивидуальной и частной полезности (предприниматели, фирмы), на другом — те, целью которых является максимизация общественных интересов (государство, создающее общественные блага) [Олейник, 2003, с. 393–395].

Согласно известной концепции «созидательного разрушения» (конкуренции, связанной с внедрением инноваций), активное участие в технологической модернизации принимают так называемые предприниматели-новаторы. Их функция заключается в том, чтобы революционизировать производство, используя изобретения или новые технологические решения для выпуска новых товаров или производства старых усовершенствованным способом, открывать новые источники сырья и материалов, новые рынки, реорганизовывать отраслевую структуру производства.

В процессе «созидательного разрушения» старые компании и методы ведения бизнеса «вымываются», на их смену приходят новые — более эффективные и доходные, *создаются новые рабочие места, требующие новой рабочей силы*. Этот процесс является сущностью капиталистической системы хозяйства [Шумпетер, 1995, с. 126].

К примеру, в современной фармацевтической отрасли США половину новой продукции производят относительно «молодые» компании, образованные меньше 10 лет назад (в Европе этот показатель составляет только 10%) [Россия после кризиса, 2011, с. 61].

Современные последователи данной концепции, например Я. Корнаи, развивают идею «системно обусловленных характеристик», одной из которых как раз и является имманентная склонность капиталистической рыночной системы к предпринимательству, к инновациям и динамизму.

«Существует сильная связь между типом системы как причиной и скоростью технического прогресса и остальными характеристиками как следствием» [Корнаи, 2012, с. 65]. Я. Корнаи приводит перечень 89 изобретений, ставших технологическими инновациями XX в. Все они получили жизнь в капиталистических странах, что обеспечило им лидерство в инновационном процессе (речь идет о гражданском секторе экономики), тогда как социалистические страны были обречены на отставание [Корнаи, с. 40–44].

По мнению Я. Корнаи, к характерным чертам экономической системы, которые не только делают возможным инновационный процесс, но и инициируют его, постоянно развивают и двигают дальше, относятся: децентрализованная инициатива; огромные вознаграждения тем, кто пошел на риск внедрения инноваций; конкуренция между ними; наличие резервного (свободного) капитала [Корнаи, с. 52–54]. Эти базовые характеристики социально-экономической среды «воспитывают» у предпринимателей стимулы к инновациям, т. е. к созданию новых комбинаций знаний и компетенций.

Предприниматели-новаторы действуют, руководствуясь рациональной установкой, они вкладывают средства, идут на риск в силу конкуренции и ожидания вознаграждения за готовность рисковать в виде высоких доходов.

Можно найти немало современных примеров, подтверждающих это положение. К примеру, те, кто в свое время инвестировал в *Microsoft*, *Apple* или *Intel*, сегодня являются весьма состоятельными людьми.

Психологическая мотивация идти на риск создания новых комбинаций знаний и компетенций состоит из двух частей: стимулируемой и генетически предрасположенной потребностью, т. е. влечением индивидов к открытиям и изобретениям.

Механизм инноваций может возникать как в рамках шумпетеровской схемы, так и в других структурах, где движущей силой выступает предпринимательство. На этом пути возникают проблемы, связанные, например, с решением задачи «принципал — агент».

При изучении интересов и склонности к инновациям заинтересованных лиц современной фирмы — владельцев (акционеров), наемных менеджеров и работников — проф. С. В. Валдайцев в одной из своих последних публикаций, в частности, показал, что первые в определенных ситуациях мотивированы на радикальные инновации, тогда как вторые почти всегда — против. Причем в более конкурентных отраслях наблюдается большее совпадение интересов владельцев фирмы и наемных менеджеров, а в менее конкурентных — меньше [Валдайцев, 2012, с. 52–54].

Важную роль в обеспечении процесса модернизации играет государство: непосредственно — создавая разного рода исследовательские и инновационные центры, либо косвенно — на основе экономической политики, в задачу которой входят поощрение инновационной деятельности, поддержка новаторов разными способами (финансами, кредитом, *госгарантиями*, созданием соответствующей инфраструктуры).

Характерной чертой государства как модернизатора является политический фактор. Он может оказывать как позитивное, так и негативное влияние на модернизацию. (В истории советской модернизации — индустриализации в качестве положительного примера можно выделить атомный проект и программу космических исследований, негативного — игнорирование инноваций в области микроэлектроники.)

Другой аспект *модернизации* связан с преобразованиями (инновациями) в институциональном устройстве общества, необходимыми для создания соответствующих условий и стимулов для ее осуществления.

Модернизация, с одной стороны, процесс социально-экономический по своим результатам (ВВП на душу населения, производительность труда, конкурентоспособность производства и т. п.), с другой — неэкономический, испытывающий давление национально-культурных ценностей и традиций.

Как показывает исторический опыт (мировой и отечественный), одной из главных проблем модернизации является соединение традиции и институциональных изменений (обновления). Известны случаи откатов преобразований (некоторые авторы называют их контрреформами), возникающих, например, тогда, когда количество новых ценностей превышает допустимый критический уровень («окно возможностей») и они отторгаются. В таких случаях модернизация затормаживается, решение ее задач откладывается на будущее.

Из сказанного следуют два простых вывода. Во-первых, модернизация осуществляется в процессе «созидательного разрушения», в котором активную роль играют предприниматели-новаторы, в результате чего рыночная экономика «самоочищается» и *становится* более эффективной и конкурентоспособной. Этот процесс носит непрерывный характер и является двигателем *эндогенного* экономического роста.

Согласно Шумпетеру, революционные изменения, сопровождающие процесс «созидательного разрушения», происходят дискретно и отделяются друг от друга фазами усвоения результатов этих изменений. Но обе фазы, вместе взятые, образуют так называемый экономический цикл [Шумпетер, 1995, с. 127].

Во-вторых, для осуществления модернизации в обществе должны создаваться соответствующие условия и предпосылки. В частности, общественным и государственным институтам (регулирование экономики) необходимо поддерживать инновационную деятельность предпринимателей-новаторов, минимизировать барьеры (транзакционные издержки) в процессе «созидательного разрушения».

Важным условием для инновационной деятельности, независимо от того, в рамках каких предпринимательских структур она осуществляется, являются создание творческой обстановки, согласование интересов каждого работника с целью фирмы. Одна из ключевых предпосылок для создания такой обстановки — отделение творческой активности от тенденции к централизации управления.

3. Модернизация в России — составная часть промышленной политики

О необходимости модернизации российской экономики, перевода ее на инновационную модель роста в последние годы много написано и сказано, причем не только в дискуссиях представителей научного сообщества, но и на самом высоком политическом уровне [Путин, 2012; Медведев, 2013].

Есть понимание того, что традиционная модель экономического роста, опирающаяся, главным образом, на эксплуатацию природных ресурсов и экспорт минерального сырья и энергоносителей, не может больше обеспечивать устойчивый рост в новых условиях XXI в.

Неприемлемым считается опыт индустриализации в СССР, когда государство выступало главным субъектом развития. Принципиальный порок социалистической индустриализации и механизма ее осуществления заключался в слабой адаптации к достижениям НТП, в низкой степени обновления технической базы производства, прежде всего, в машиностроении, что являлось главным смыслом модернизации-индустриализации. Конечным итогом становилось углубляющееся отставание СССР в инновационном процессе.

В качестве примера отставания СССР в инновационном процессе можно упомянуть металлургию. После пуска первой в нашей стране установки непрерывной разливки стали потребовалось 17 лет, чтобы доля этого способа производства достигла 5 % общего объема выпуска; в Японии, где такая установка была запущена позже, для этого потребовалось 10 лет, а в США — и вовсе 5 лет [Шаталин, Гайдар, 1989, с. 9].

Другим примером может служить внедрение станков с ЧПУ: в СССР исследования по созданию таких станков начались с опозданием всего на 2 года от США, но первый многоцелевой станок был произведен на 12 лет позже, чем в США [Корнаи, 2012, с. 48].

Отставание было заложено в самой системе централизованного управления экономикой: планы по науке и технике, доводимые до предприятий, разрабатывались отдельно от планов производства, капиталовложений, производительности труда и др. Их выполнение или невыполнение напрямую не связывалось с основными результатами хозяйственной деятельности, и потому они, как правило, не выполнялись.

Из недавнего советского опыта (вторая половина 1980-х годов) следует вспомнить неудавшуюся попытку «ускорения социально-экономического развития» путем качественного обновления производительных сил на основе внедрения принципиально новых поколений техники и технологических систем и перестройки эко-

номических отношений (системы хозяйствования и управления социалистической экономикой).

Попытка реализовать эту программу государству не удалась по многим причинам. В их числе — отсутствие необходимых финансовых ресурсов, основным источником которых были валютные поступления от экспорта (с середины 1980-х годов конъюнктура на мировом рынке энергоносителей радикально изменилась; в 1984–1986 гг. цены на нефть упали более чем в два раза) и слабая мотивация государственных предприятий [Шаталин, Гайдар, 1989, с. 13, 25].

Сегодня решать задачи модернизации российской экономики и перевода ее на инновационную модель роста предстоит в совершенно иных внутренних и внешних политико-экономических условиях — условиях постсоциализма.

Во-первых, на протяжении почти четверти века в России существует рыночная экономика, тесно привязанная к глобальной экономике и мировой финансовой системе.

Во-вторых, современное устройство Российского государства не то, что было в обществе реального социализма (хотя нельзя сказать, что государство стало более эффективным).

Однако аргументы в пользу новой экономики легче всего воспринимаются на абстрактно-теоретическом уровне, нежели на уровне практической политики.

Какова же реальная политика модернизации? Несмотря на то что опыт советской индустриализации декларируется как некорректный, в современной политике государства в области модернизации проявляются традиционные подходы.

Практически речь идет о том, чтобы продолжить ставку на государство — госмонополии, госкорпорации, госинвестиции и госкредиты, а также на крупные вертикально-интегрированные промышленные холдинги, формально не относящиеся к госсектору, но фактически находящиеся под его контролем. Предполагается, что централизованно управляемые промышленные структуры должны стать глобально конкурентными.

Логика такова: государство должно централизовать ресурсы, необходимые для модернизации, и использовать их для «выращивания» нового технологического уклада и соответствующих хозяйствующих субъектов. Затем, когда сформируется новая технологическая траектория развития и эти субъекты перейдут в режим расширенного воспроизводства, будут включены рыночные механизмы.

Такая логика вытекает, в частности, из программной статьи В. Путина «О наших экономических задачах» [Путин, 2012, с. 1, 15–16].

Технологическая модернизация провозглашена как составная часть государственной промышленной политики.

Обозначены и приоритетные отрасли (фармацевтика, высокотехнологичная химия, нанотехнологии, авиационная промышленность, информационно-коммуникационные технологии), которые соответствуют современным мировым трендам.

Можно полагать, что выбор политики является как обусловленным идеологически, так и реакцией на ситуацию, традиционно существующую в инновационном секторе российской экономики.

По оценке экспертов, вклад высокотехнологичных отраслей, т. е. производств, в которых доля расходов на НИОКР в общем объеме выручки значительно превышает

средний уровень, в рост российского ВВП весьма невелик: в 1998 — 2008 гг. он составлял в среднем 6,8% в год. На их долю приходится примерно 10% совокупного промышленного производства, или 3% ВВП.

Большую часть затрат на НИОКР финансирует государственный сектор, 29% приходится на долю частного сектора, еще 9% — на иностранные источники финансирования [Россия после кризиса, 2011, с. 141, 169, 143].

Политическое руководство страны уверено, что частный капитал добровольно не идет в новые отрасли, поскольку не хочет нести повышенные риски [Путин, 2012, с. 15]. Значит ли это, что стимулы у руководителей и менеджеров госкорпораций сильнее, нежели в частном бизнесе, и они легче идут на риски?

На самом деле риски — относительно ожидаемого дохода или сохранения собственности — по-разному распределяются среди российских предпринимателей. Крупный капитал в России мало чем рискует, поскольку имеет возможность избежать честной конкуренции. Госмонополии и госкорпорации, олигархический капитал в негосударственном секторе, находящийся под покровительством государства, претендуют на особые условия работы, формируют спрос на административный ресурс и не проявляют достаточного интереса к разработкам, способным существенно снизить издержки производства. Следствием такого поведения является нерыночный рост цен и тарифов, коррупционная нагрузка. Подобный тренд вступает в принципиальное противоречие с теми условиями, которые необходимы для успешного модернизационного процесса (конкуренция).

В наиболее неблагоприятных условиях с точки зрения рисков находится малый и средний бизнес (МСБ), который в последнее время (десятилетие) практически не развивается.

По оценке экспертов, вклад малых и средних предприятий в ВВП «застыл» примерно на уровне 17% [Россия после кризиса, 2011, с. 14].

Отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2012» показал, что вместе с действующими предпринимателями доля желающих открыть бизнес составляет всего 3,8% (в странах БРИКС средний показатель равен 21%, а в Восточной Европе — 24%); 93% россиян даже не рассматривают для себя такой возможности, а почти половина из тех, кто закрыл бизнес в 2012 г., не хотят больше связываться с предпринимательством [Последнее дело, с. 1].

За первое полугодие 2013 г. число предпринимателей сократилось на 500 тыс. или на 11,5% [Дно экономики, с. 5].

Развитию этого перспективного сектора инновационной экономики препятствует целый ряд причин. Негативным фактором является политика государства: отсутствие прозрачных правил и логики взаимодействия предпринимателей с органами власти, неопределенность законодательства, в том числе налогового, низкое качество госуправления и правоприменения, бюрократия, взятки, «откаты» и другие проявления коррупции. Предприниматели вынуждены закрываться из-за недостатка финансовых ресурсов и трудностей в поисках источников финансирования своего бизнеса. Они испытывают налоговое и тарифное давление со стороны государства, госмонополий и госкорпораций.

Коррупция в значительной степени является следствием недостатка экономической свободы и избыточного вмешательства государства в сферу предприниматель-

ства. То, что только начинало прорастать в 1990-е годы, сегодня расцвело настолько, что превратилось в «систему». Коррупция стала одним из существенных политико-экономических и макроэкономических факторов, который ведет к удорожанию экономического роста и отнюдь не стимулирует движение к инновационной экономике. (В этих условиях активными агентами модернизации становятся Прокуратура и Следственный комитет; последние примеры их участия связаны, в частности, с инновационным проектом «Сколково».)

Справедливости ради следует отметить, что и в таких условиях в нашей стране есть отрасли, в которых компании развиваются и удерживают свои конкурентные позиции. К ним относится индустрия программного обеспечения и информационных технологий (ПО и ИТ).

Почти все существующие ИТ-компании России были созданы российскими предпринимателями, ранее работавшими в государственных НИИ и на оборонных предприятиях, при относительно слабом государственном регулировании. Сегодня они активно наращивают объем продаж ПО и ИТ — услуг на отечественном и зарубежных рынках, являются лидерами по производительности труда (38% от уровня США).

Для смягчения отмеченных негативных моментов необходимы институциональные изменения, адекватные сущности и требованиям инновационной экономики. Нужны такие политико-экономические институты, которые были бы в состоянии ограничить полномочия исполнительной власти и обеспечить верховенство закона, эффективную и независимую судебную систему, усовершенствовать систему защиты прав собственности, способствовать развитию экономической и политической конкуренции.

Новой экономике необходимы новые институты, поддерживающие инновации, стимулирующие развитие и использование человеческого капитала, облегчающие привлечение отечественных и зарубежных инвестиций.

Пока что очевидно, что правящая элита России, пребывая в ловушке так называемого «ресурсного проклятия», не заинтересована в формировании таких институтов. Ресурсная рента (по оценке Всемирного банка, ее объем составляет от 20 до 25% российского ВВП [Россия после кризиса, 2011, с. 42–43]), к которой имеет доступ элита и которая меньше всего зависит от степени развития таких институтов, вообще создает иллюзию их ненужности. Стало быть, у отраслей, не связанных с разработкой и экспортом природных ресурсов, шансы на развитие снижаются.

Стимулировать реформы можно при наличии двух предпосылок. Во-первых, появление критической массы заинтересованных сторон: частных собственников, «среднего класса», нового поколения граждан — носителей качественно иной рабочей силы и предъявляющих спрос на новые рабочие места. Вторая предпосылка связана с внешней опорой.

Первая предпосылка предполагает, как минимум, дерегулирование сферы МСБ, приватизацию крупных государственных предприятий. Пока что явных перемен здесь не наблюдается, планы по приватизации переносятся из года в год и не реализуются. *Вместе с тем изменения в структуре предложения труда будут оказывать давление на промышленную и социальную политику государства.*

Вторая предпосылка может возникнуть при дальнейшей интеграции в глобальную институциональную систему. Определенные перспективы в этом направлении

открываются в связи с вступлением России в ВТО, а также с неизбежной потребностью адаптировать отечественную инновационную систему к международным институтам хотя бы по причине поиска источников финансирования инноваций (см. проект «Сколково»).

4. Общий вывод

Долгосрочное устойчивое развитие социально-экономической системы, помимо всего прочего, достигается за счет организационных и институциональных преобразований (инноваций), снижающих транзакционные издержки и создающих стимулы для создания новых товаров и услуг. В инновационной деятельности участвуют различные субъекты, каждый из которых имеет сравнительные преимущества в осуществлении тех или иных типов инноваций. Поэтому, решая задачи модернизации экономики России, политика государства должна учитывать различные потенциалы инновации /консерватизма, которыми они обладают.

Инновационная политика, объявленная политическим руководством страны с упором на *госсектор*, возможно, увенчается частичной модернизацией отдельных промышленных производств, подконтрольных государству. Но поскольку государственные расходы, как правило, неэффективны, то такая инновационная продукция будет дорогой. Это скажется на рыночном спросе на нее, затруднит продвижение на рынки (инновации тогда становятся фактором экономического роста, когда они торгуются на рынках и вносят свой вклад в валовый национальный доход).

Без реформ, создающих благоприятные условия для рыночного (частного) сектора, такая модернизация существенным образом не повлияет на сложившуюся инерционную модель экономического роста.

Литература

- Валдайцев С. В. Инновации: асимметрия интересов владельцев и менеджмента фирмы // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2012. Вып. 1. С. 20–29.
- Дно экономики // Ведомости. 27. 08. 2013.
- Корнаи Я. Размышления о капитализме / пер. с венг. М.: Издательство Института Гайдара, 2012. 352 с.
- Медведев Д. Время простых решений прошло // Ведомости. 27. 09. 2013.
- Олейник А. Н. Институциональная экономика: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2003. 416 с.
- Последнее дело // Ведомости. 23. 04. 2013.
- Путин В. О наших экономических задачах // Ведомости. 30. 01. 2012.
- Россия после кризиса: сб. ст. / авторы-составители С. Гуриев, Э. Качинс, А. Ослунд; пер. с англ. М.: Юнайтед Пресс, 2011. 394 с.
- Шаталин С. С., Гайдар Е. Т. Экономическая реформа: причины, направления, проблемы. М.: Экономика, 1989. 110 с.
- Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ. М.: Экономика, 1995. 540 с.

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2013 г.